

От автора бестселлера «Мальчик в башне»

День, когда никто не проснулся

ПОЛЛИ ХО-ЙЕН

Полли Хо-Йен

День, когда никто не проснулся

«Азбука»

2022

УДК 821.111
ББК 84(4Вел)-44

Хо-Йен П.

День, когда никто не проснулся / П. Хо-Йен — «Азбука», 2022

ISBN 978-5-389-32634-7

В городе происходит что-то странное... Одиннадцатилетняя Ана и ее бывший лучший друг Тио оказываются единственными, кто проснулся этим утром. Напуганные и сбитые с толку, они отправляются в путешествие в поисках подсказок, способных помочь им разбудить всех остальных. С каждым шагом таинственных открытий становится все больше, а давние ссоры все меньше волнуют Ану и Тио. Ведь теперь у них есть дело поважнее взаимных обид – ребятам предстоит спасти город от загадочного существа, наславшего «вирус сна» на его жителей. Новая фантастическая книга от автора романов «Мальчик в башне» и «Как я спас мир за неделю»! Захватывающая приключенческая история о дружбе, которую можно найти в самом неожиданном месте.

УДК 821.111
ББК 84(4Вел)-44

ISBN 978-5-389-32634-7

© Хо-Йен П., 2022
© Азбука, 2022

Содержание

Вторник	7
Вторник	9
Вторник	12
Вторник	16
Предыдущий день: понедельник	18
Конец ознакомительного фрагмента.	19

Полли Хо-Йен

День, когда никто не проснулся

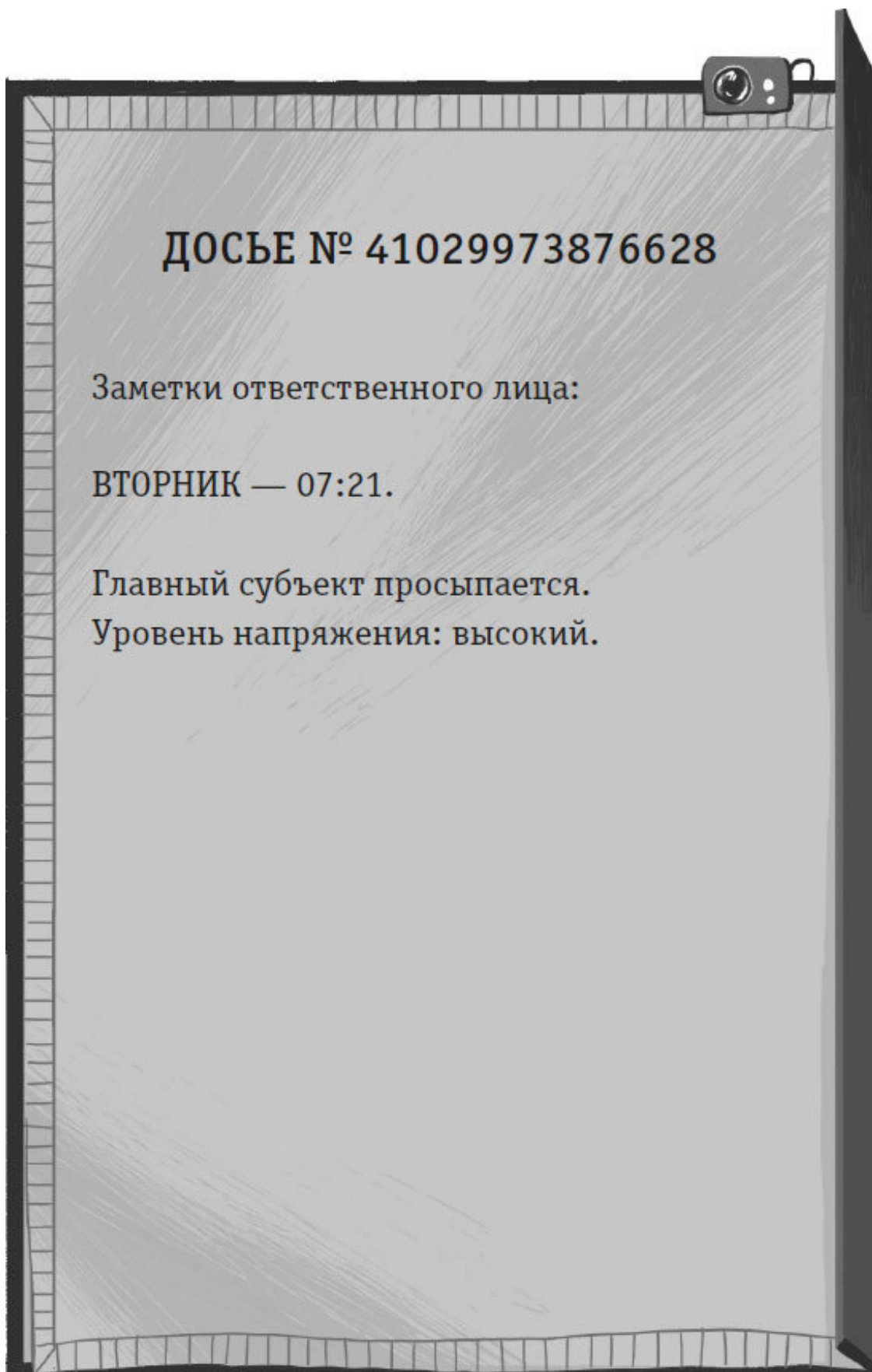
Посвящается Луизе Каммингс – великому исследователю и подруге, по которой я очень скучаю

Polly Ho-Yen
THE DAY NO ONE WOKE UP

Copyright © 2022 by Polly Ho-Yen
This edition is published by arrangement with Darley Anderson Children's Book Agency Ltd
and The Van Lear Agency

Иллюстрации Джорджа Эрмоса

© О. И. Василенко, перевод, 2026
© Издание на русском языке. ООО «Издательство АЗБУКА», 2026
Издательство Азбука®

Вторник 07:28

Мама ходила по гостиной, которая у нас совмещена с кухней, и от шума я проснулась.

Мама – суперранняя пташка. Так ее называет тетушка Додо. Бабушка тоже всегда вставала с первыми лучами солнца, но мамин рекорд никому не побить. Иногда, как сегодня, я просыпаюсь ни свет ни заря, слышу маму за стенкой и воображаю, будто она и в самом деле превратилась в птичку: маленькую, коричневую, с желтым пятнышком клювика – вроде воробья или дрозда. Мечется туда-сюда, постоянно чем-то озадаченная, не зная ни секунды покоя. Очень похоже на маму.

В последнее время она занята изучением какого-то вопроса по работе и по утрам встает даже раньше обычного. Я застаю ее за чтением кипы толстых книг, теперь прочно обосновавшихся на нашем обеденном столе.

Хотя глаза я открыла уже давно, встать не собиралась. Натянула одеяло повыше и спряталась полностью. Для своих лет я довольно высокого роста, выше всех в моем классе, поэтому мне приходится аккуратно оборачиваться одеялом со всех сторон и только потом нырять под него с головой, чтобы даже черные кудри не торчали наружу. В такой норке тепло и безопасно. Можно притвориться, будто я не у себя в комнате, а в каком-то совершенно другом месте – далеко от Южного Лондона, от моей жизни и от всего, что случилось вчера.

Но потом в голове снова прокручиваются воспоминания, и живот стягивает тугим узлом. Беспокойство, гнев, стыд, печаль и еще много всякого, чему даже названия не подобрать, – все это во мне перемешалось и причиняло боль.

– А-ана! Проснулась? – позвала мама через дверь.

Я затихла.

– Ана? – Мама позвала громче.

Может, получится притвориться, что я заболела?

Щупаю горло. Внезапно оно засадило, словно мне удалось добиться желаемого просто силой мысли. Другую ладонь кладу на по-прежнему напряженный живот. Несмотря на все усилия, воспоминания о вчерашних событиях продолжают крутиться в голове. Я зажмуриваюсь покрепче – теперь уже в полной уверенности, что застудила горло.

Дверь комнаты скрипнула, открываясь. Мама едва слышно вздохнула, когда увидела меня, лежащую неподвижно закутанной в одеяло.

– Зайка, с тобой все в порядке? – Мама сделала пару шагов вперед.

Я не шевельнулась, только пробубнила в подушку:

– Заболела.

Не думаю, что мама расслышала мои слова, но – пружины матраса дрогнули – она села на кровать.

– Что с тобой? – ласково спросила мама.

– Горло болит. Знаешь... кажется, мне плохо и в школу я сегодня не пойду.

– Хорошо.

– Правда? – Мне не удалось скрыть облегчение. Мама так легко поверила!

– Давай-ка, зайка, поглядим на тебя. – Мама осторожно стянула одеяло с моего лица. – Вот ты где. – Она пощупала мне лоб. – Хм. Нужен полный осмотр пациента.

Мама работает медсестрой в местной больнице. Умершая пару лет назад бабушка часто говорила, что мама могла бы стать врачом. «Все еще может, если захочет!» – каждый раз отвечала ей тетушка Додо.

Моя одноклассница Сюзи однажды рассказала, что ей никогда не удавалось притвориться больной: ее мама тоже медсестра и легко определяет, когда дочь валяет дурака. А вот моя мама всегда воспринимает то, что я говорю, всерьез.

Было стыдно ей врать, но я знала: хитрость может сработать и тогда в школу идти не придется. Несколько недель назад случилось кое-что, из-за чего мне хотелось спрятаться; мама поверила, что я простудилась, и даже осталась дома со мной. Мы вместе смотрели телик, она нажарила целую тарелку тостов. В тот день тоже было трудно притворяться, но на что только не пойдешь, лишь бы не ходить в школу.

– Дай-ка глянуть на горлышко, – попросила мама. – Открой рот пошире, скажи «а-а-а».

Беспокойство в ее глазах заставило меня устыдиться. Горло, еще несколько секунд назад вроде бы саднившее, перестало болеть. Но я послушно открыла рот, и тревожные мамины глаза скользнули вглубь.

– Непохоже, что красное. Но давай измерим температуру.

Когда термометр не показал ничего страшного, мама снова проинспектировала меня со всех сторон и заглянула в глаза так, что я сразу все поняла.

– Придется пойти в школу, – озвучила я ее мысли.

– Почувствуешь себя плохо – скажи учительнице, ладно? Если понадобится, я сразу тебя заберу и привезу домой. – Она обхватила мою щеку ладонью, прохладной и мягкой, а еще гладкой, как отполированная прибоем раковина. – Ничего не хочешь мне рассказать?

Я решительно помотала головой и вцепилась в одеяло. Слова вертелись на кончике языка – хоть сейчас призналась бы маме, но что-то мешало. Внезапно накатила такая тоска, что я чуть не расплакалась. Очень странный вид одиночества, когда стоишь рядом с близким человеком, но не в силах признаться, что на самом деле чувствуешь.

Кажется, мама тоже собиралась что-то сказать, но прикусила губу и помолчала несколько секунд.

– А давай я приготовлю какую-нибудь вкуснятину на завтрак? – Она вглядывалась в мое лицо, но я лишь молча пялилась вниз, на руки. – Кстати, ты не забыла? Сегодня ведь жвачный вторник, и вечером придет Додо.

Мы втроем – я, мама и тетушка Додо – уже давно устраиваем жвачные вторники. Название так себе, но почему-то прижилось. Родилось оно в тот вечер, когда Додо готовила десерт. Брауни у нее получились тугие, как жвачка, и такие же цепкие – у нас от них чуть челюсти не склеились. Теперь мы готовим по очереди каждый вторник и не разрешаем Додо печь брауни (хотя она постоянно грозит попробовать еще разок).

В памяти всплыло воодушевленное лицо Додо, с надеждой смотревшей, как мы силились прожевать те брауни, и я невольно улыбнулась. Мы с тетей всегда были дружны – причем именно я наградила ее прозвищем. Когда я была совсем маленькой и, как ни старалась, не могла нормально выговорить имя Долорес, тогда-то и нашелся выход: я стала называть тетушку Додо. А теперь и мама обращается к ней так, а иногда и вовсе До, для краткости.

– Ага, ты уже улыбаешься! – поймала меня мама. – Заметила!

Она притянула меня к себе и обняла, и я прильнула ближе. От маминых объятий стало немного легче. А от перспективы увидеть Додо настроение еще немного улучшилось. Надеюсь, мне удастся поговорить с ней о том, что творится в моей жизни.

Вторник

08:08

Мама положила мне еще один блинчик.

– Больше не лезет! – отмахнулась я, задев тарелку.

Она врезалась в стопку маминых книг.

– Точно не лезет? Ты же только полблина съела!

– Нет, мне хватит. – Я старалась не встречаться с мамой глазами.

Необходимость идти в школу отбила аппетит.

– Ладно, – согласилась мама, но тарелку убирать не стала и прожгла меня таким взглядом, будто у нее не глаза, а лазеры. – Как теперь поживает твое горло?

– Терпимо, – соврала я и сменила тему. – Пора на выход. В школу.

– Давай провожу, – тут же предложила мама.

– Не волнуйся, я пойду с Лейлой. Она вчера ночевала у папы, так что сегодня мы встречаемся на углу.

Лейла – моя лучшая подруга. Несколько дней в неделю она живет с мамой, а в остальное время – у папы, который держит велосипедный магазинчик на нашей улице. Когда Лейла остается с отцом, мы ходим в школу вместе.

– Хорошо, но, кажется, мне стоит поговорить с учительницей, предупредить: сегодня утром ты себя чувствовала неважно – вдруг станет хуже.

Ну вот, мне снова хочется провалиться сквозь землю от стыда.

– Да все уже нормально. – Встаю из-за стола, хотя от одной мысли о школе у меня снова скрутило живот.

– Ты уверена? – Мама подошла ближе и заглянула мне прямо в глаза, ведь мы почти одного роста.

Должно быть, этим я пошла в отца. Правда, я никогда с ним не встречалась и ничего о нем не знаю. Мама говорила, что, когда меня родила, была еще совсем молодая. Отец уехал до того, как она успела рассказать ему про ребенка. Однажды я спросила, нельзя ли нам его найти. В то время бабушка была жива, она услышала наш разговор, очень рассердилась и заявила, что вот этого нам не надо. К счастью, мама неплохо справляется с ролью обоих родителей.

Замечаю пристальный мамин взгляд и жалею, что вообще ляпнула про горло. Мама снова щупает мне лоб:

– Температуры так и нет. Думаю, чувствуешь ты себя нормально, но давай посмотрим, как оно пойдет дальше. Если хочешь встретиться с Лейлой, поторопись.

С трудом заставляю себя сделать самое необходимое перед выходом из дома: почистить зубы, найти школьный рюкзак, надеть пальто. И собрать непослушные кудри в хвостик.

– Ана, не забудь шапку и шарф. Вроде на улице холодно, – предупредила мама, когда я уже стояла в дверях.

Она натянула мне шапку чуть ли не до бровей и несколько раз обернула шарф вокруг шеи. Замотанной по самые уши мне стало жарко, но от одной мысли о выходе из дома подгибались колени.

Мама взяла меня за подбородок и подняла его вверх.

– Ну вот, молодец! – улыбнулась она. – Надеюсь, ты хорошо проведешь время в школе. И помни, если станет хуже, пусть учительница мне позвонит, и я тебя заберу.

Когда я наконец вышла в коридор к лифту, открылась дверь квартиры рядом. Из нее выскочил соседский мальчишка Сэми, да так стремительно, что меня чуть ветром не сдуло.

Сэми всегда не ходит, а бегаёт. За ним, протиснув в дверь коляску, вышла его мама Бенни, а позади тянулись остальные дети: Дениз, Рита (двойняшка Сэми) и Тио.

Помню день, когда Риту и Сэми принесли из роддома и нам с Тио разрешили их подержать – очень-очень аккуратно! Кажется, с того момента, когда мы сидели рядом на диване и держали крохотных двойняшек, прошла вечность.

– Сэми, вернись! – закричала Бенни.

Моя мама тоже вышла и повернулась к соседке:

– Бенни! Как хорошо, что мы встретились.

– Привет, Летти! – улыбнулась Бенни.

Мама наклонилась над коляской, разглядывая спящего Марио, и завела разговор про всякое малышное. Я уставилась в пол. Так хочется уйти, но ясно ведь, что это будет выглядеть странно. И мама наверняка позовет обратно. Сейчас в поле моего зрения помещались только мои ботинки; приподняв голову, я краем глаза смогла увидеть Дениз, Риту и Тио, стоявших передо мной.

Мы всю жизнь жили по соседству. Дениз, самой старшей, было тринадцать; Тио старше меня всего на несколько месяцев (нам обоим одиннадцать), а Сэми и Рите исполнилось пять.

Раньше мне казалось, что Тио, как взведенная пружина, готов взмыть вверх мгновенно. В этом смысле Тио немного похож на Сэми, который все время в движении. Если мы стоим у входа в школу перед началом уроков, он шаркает ногами по асфальту, а на переменах носится по площадке как угорелый.

Я никогда не скажу Тио в лицо, но одно из различий между ним и Сэми в том, что крепкий Сэми похож на бульдозер, а стремительный Тио скорее изящен. На бегу он вытягивает ноги, и кажется, что почти летит.

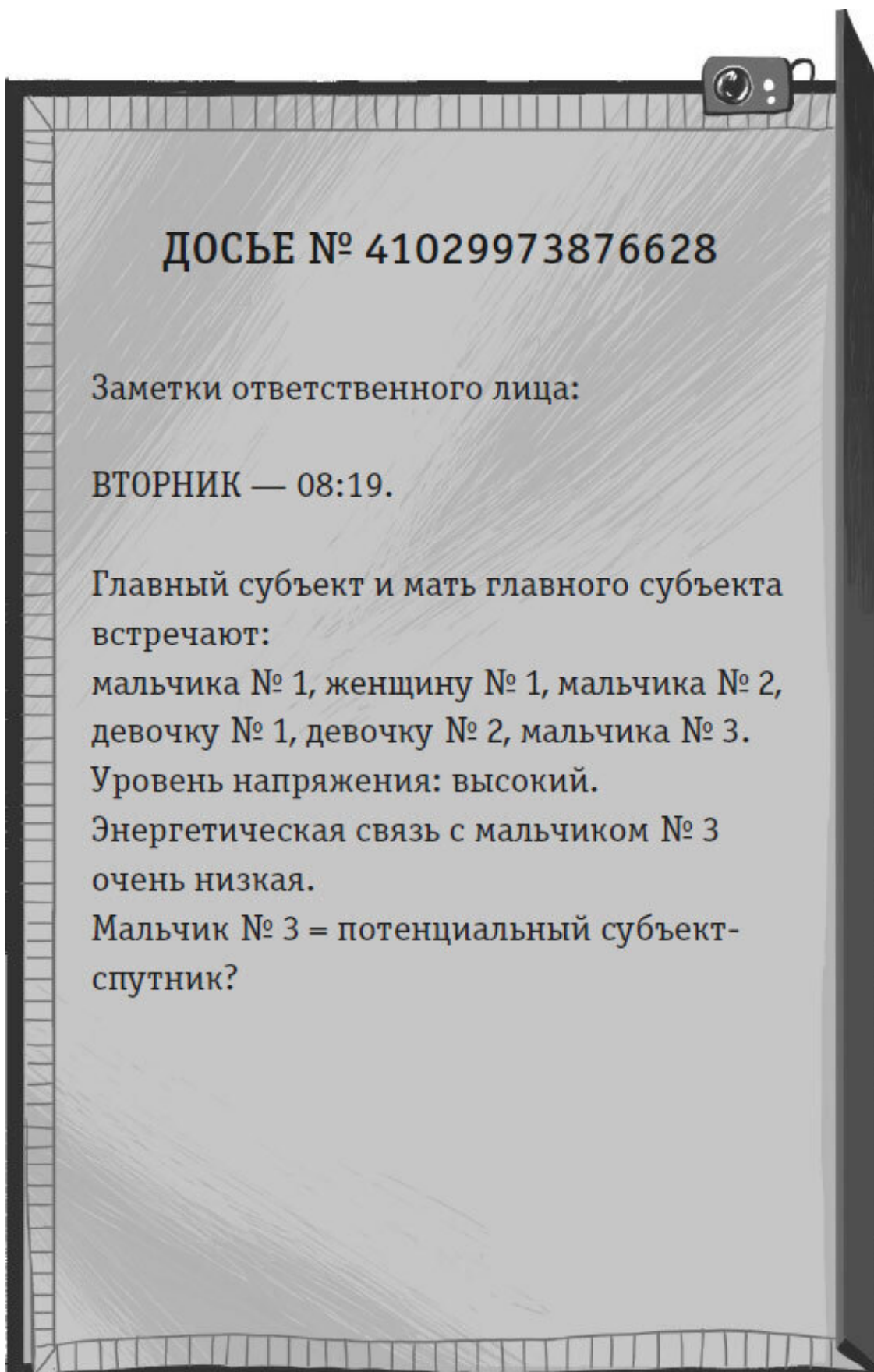
Мама произнесла мое имя, и я вынырнула из своих мыслей в реальность.

– Сегодня хочу потушить мясо с овощами – Ана вам потом принесет. Может, она пойдет в школу вместе с вами? Они с Лейлой договорились встретиться по дороге, но сегодня Ана какая-то сама не своя. Верно, зайка?

– Да без проблем! Привет, Ана! – улыбнулась мне Бенни. – Дети, поздоровайтесь с Анной.

Дениз увлеченно читала книгу, но оторвалась на секунду и кивнула мне. Сэми заорал «Привет!», а Рита посмотрела на меня огромными карими глазами и с серьезным видом произнесла: «Доброе утро!»

Тио промолчал. И никто, кроме меня, этого не заметил.

Вторник 08:28

Я увидела привалившуюся к стене велосипедного магазинчика Лейлу еще до того, как она нас заметила. На ней была вязаная шапочка с гигантским помпоном. Лейла разглядывала что-то на своей ладони, сложенной чашечкой.

Завидев нашу компанию, она удивленно уставилась на меня. В глазах читался немой вопрос: «Что происходит?» Я попыталась ответить также без слов: «Позже поговорим».

– Привет, Лейла! – жизнерадостно воскликнула Бенни.

– Здравствуйте, – отозвалась Лейла.

– Что это там у тебя? – заинтересовалась Бенни.

– Улитка, еще совсем малюточка. – Лейла разжала пальцы, показывая раковину на ладони.

Больше было похоже на камешек, чем на улитку.

– Покажи! – потребовала Рита, прорываясь вперед.

Лейла присела, чтобы Рите было лучше видно, и мы все заметили, как из тонкой коричневой скорлупки медленно вылез крохотный щупик, а за ним и тельце. Улитка потянулась к Рите.

Вдруг Тио заорал: «Фу!», и улитка моментально спряталась в раковине. В тот же момент Сэми вырвался из рук Бенни и умчался.

– Сэми! – закричала Бенни. – Тио, останови его, пожалуйста!

Тио бросился за братом, а Бенни повернулась ко мне:

– Извини, Ана, я побегу за ними. Если что, догоняй.

Она понеслась с коляской вперед, а Дениз и Рита – за ней. Когда семейство исчезло из виду, я наконец расслабилась.

– Так что случилось? – с круглыми глазами спросила Лейла, едва мы остались наедине.

– Ничего.

– Увидев тебя в такой шумной компании, я испугалась, не сболтнула ли ты чего лишнего маме.

Я покачала головой.

– Ты в порядке? – спросила она, все еще пристально вглядываясь в меня круглыми глазами.

– Давай не будем об этом, – буркнула я. Меня охватило то же чувство, что и утром при разговоре с мамой: одиночество из-за невозможности говорить правду.

Мы молча шагали в школу, и я была рада, что Лейла не стала выпытывать подробности. На тротуарах сверкал иней, кое-где замерзли лужицы. Лейла показала отпечаток листика на льду, и мои переживания стали утихать. Но стоило нам добраться до школьных ворот, как я вдруг встала как вкопанная. Как ни старалась, не могла двинуть ни ногой, ни рукой, хоть и не собиралась останавливаться.

Лейла отвлеклась на старого кошака, облюбовавшего нашу школьную парковку. Она обогнала меня и принялась звать его, выманивать из-под автобуса. Тот с готовностью вылез и стал тереться о ее ноги.

Тут Лейла заметила, что я застыла на месте.

– Ана, что с тобой? – забеспокоилась она.

Тревога нахлынула на меня волной и сгустилась жестким комом в животе. Мимо проходили люди, оглядываясь на меня, застывшую посреди толпы. Я с трудом кивнула Лейле, борясь

с желанием спрятаться: мое тело словно пыталось свернуться в клубок, как ежик. Я заставила себя выпрямиться и пойти дальше.

Нам с Лейлой удалось добраться до игровой площадки и найти там укромный уголок. Я попыталась выровнять дыхание, но с каждой секундой ком становился больше и тяжелее.

– Ана, скажи что-нибудь, – вкрадчиво попросила Лейла.

Внезапно мне показалось, что вокруг нас собралась толпа. Несколько человек играли в догонялки, поймав кого-нибудь, они орали во всю глотку. Я видела, как мимо промчался Тио. Он кричал так громко, что у меня зазвенело в голове, и я вспомнила, как улитка на ладони Лейлы спряталась в раковину от его вопля.

Я попробовала заговорить, но слова застревали в горле.

– Не хочешь рассказать, что случилось вчера? – настойчиво уговаривала Лейла.

Вчера после уроков я пришла к ней в слезах, но ничего не объяснила – кроме того, что Тио ляпнул что-то обидное.

– Нет, давай не будем об этом, – уперлась я.

– Что бы ни произошло, все уладится, – заверила Лейла. – Ты ведь знаешь, Тио с тобой такой противный только потому, что завидует.

– Чему тут завидовать? – удивилась я.

– Мама говорит, люди становятся злыми, когда не чувствуют себя в безопасности.

Через Лейлу я получаю немало советов от ее мамы.

– Конечно, он завидует, – продолжала Лейла. – Может, сказать ему пару слов?

– Пожалуйста, не надо! – пробормотала я. – Ты же пообещала не вмешиваться...

Я не сдержала дрожь в голосе – меня снова накрыла волна тревоги. Что будет, если Лейла и впрямь поговорит с Тио?

«Он будет дразнить тебя пуще прежнего», – послышался ответ в моей голове.

– Ладно, но только потому, что ты этого не хочешь. И если вдруг передумаешь...

На вид Лейла миниатюрная и скромная, а в душе – огонь. Никогда не встречала человека, настолько уверенного в себе и в правильности своих поступков. Когда я в растерянных чувствах, мне кажется, что мы вообще полные противоположности.

Конечно, мы разные и во многом другом. Лейла самая маленькая в классе, и у нее прямые волосы обычного русого цвета. Но сильнее всего различаются наши характеры: я предпочитаю оставаться в тени, а Лейла чересчур резка и непоколебима. Иногда кажется, из нас двоих выше ростом она, потому что стоит, полностью выпрямившись.

Возможно, именно поэтому мы и стали лучшими подругами. Дружим с тех пор, как она перешла в мою школу. Лейла переехала сюда после развода родителей – они решили жить раздельно и нашли жилье в нашем районе. Под влиянием Лейлы я стала быстрее принимать решения, а она, наоборот, общаясь со мной, лучше контролирует чувства, перестала рубить сплеча. Мы познакомились всего лишь в конце прошлого учебного года, но я уже не представляю, как обходилась без нее: мы быстро сблизились и теперь неразлучны. Трудно даже вспомнить прежние времена, когда мы еще не знали друг друга.

– Может, все-таки стоит признаться маме? – предложила Лейла.

– Не знаю. Мама готовится к важному экзамену по работе, и я не хочу ее беспокоить. Вот подумываю поговорить с Додо.

Лейла с энтузиазмом закивала:

– Точно! Посоветуйся с Додо. Пусть подскажет, что делать.

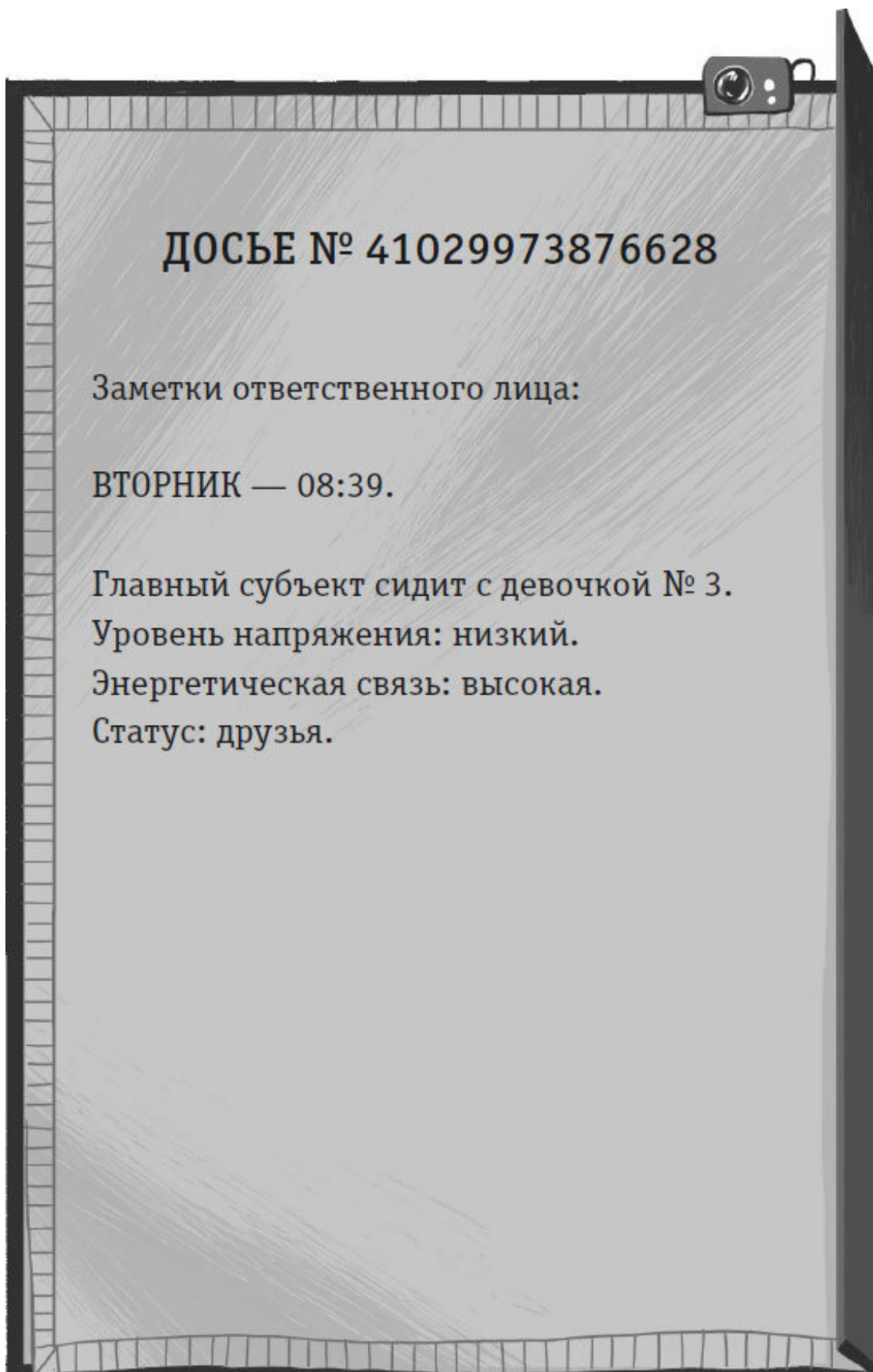
– Она придет сегодня вечером, у нас же жвачный вторник. Поболтаю с ней, пока мама будет занята готовкой.

– Обязательно поболтай! Плохо, когда человек держит все в себе и ничего не рассказывает.

– Это тоже твоя мама говорит?

– Да, – застенчиво улыбнулась Лейла. – Но ведь она права!

Я посмотрела на подругу, и приятное тепло разлилось по телу. Несмотря на все невзгоды, рядом с Лейлой мне становилось гораздо лучше.

Вторник 10:41

День начался как обычно. Мы гуськом зашли в школу и уселись в зале на полу неровными рядами. Мисс Брайдвелл-Стрингер объяснила нам правила олимпиады по чтению, которая состоится на следующей неделе, и пригласила в класс.

Чтение, математика и тест по правописанию. С тестом я справилась неплохо – не идеально, но и не завалила. Поэтому решила повторить слова, которые написала неправильно. Всегда делаю работу над ошибками: у меня нет выдающихся способностей, но я изо всех сил стараюсь учиться хорошо, и в целом мои попытки увенчиваются успехом. Хотя в последнее время мне как-то особо усердствовать не хочется. Слова из теста по правописанию то и дело расплываются перед глазами и никак не хотят запоминаться.

На большой перемене Лейла бросилась с азартом искать улиток. Она мечтала обнаружить яйцо улитки и в мельчайших подробностях разглядеть цвет, размер, форму. Мешать ей совершенно не хотелось – когда Лейлу осеняют безумные идеи, она не в состоянии ни думать о других вещах, ни разговаривать на другие темы. Лейла помешана на животных и вечно задается вопросами, которые мне бы и в голову не пришли.

На школьной спортплощадке ребята играли все в те же догонялки и орали еще громче, чем утром. Я решила составить подруге компанию – лишь бы крутиться где-нибудь поблизости, даже если придется вместе охотиться за яйцами улиток, – и пошла через площадку. Какой-то мальчишка случайно сбил меня с ног. Мистер Дэвис, помощник преподавателя, заметил это и подошел.

– Жить буду, – заверила я, вставая, хотя ладони саднили, а в коленке пульсировала боль. Сквозь протертую об асфальт ткань брюк проступила кровь. Я осторожно задрала штанину и обнаружила здоровенную ссадину.

– Сходи-ка ты в медпункт, – посоветовал мистер Дэвис. – Пусть рану промоют и заклеят пластырем.

Послушно ковыляю по школьному залу в медпункт. В воздухе витает привычный запах столовского обеда. Тут уже начали украшать сцену для ежегодного концерта «Звездочка, зажгись!», который проходит в октябре, перед самой серединой семестра. Любой ученик младшей школы может показать свои таланты. На стену повесили несколько огромных серебристых звезд (тех же самых, что и в прошлом году, я их узнала), а между ними кое-как, кривыми зигзагами растянули гирлянды.

Зал уже подготовили для урока физкультуры, но сейчас тут никого, кроме меня. Несколько мгновений стою в тишине. Мне следовало бы поторопиться в медпункт, ведь в любой момент раздастся звонок, оглашающий конец перемены, но ноги сами несут меня на сцену, словно никак не подчиняются моему внутреннему голосу, с готовностью раздающему указания, что делать.

Попасть на сцену по ступенькам оказалось непросто – с каждой секундой колено ныло все сильнее, – но я все же вскарабкалась на самый верх и вышла на середину сцены. Обычно тут стоит мисс Брайдвелл-Стрингер во время общешкольных собраний.

Ладони по-прежнему саднят: мелкие песчинки застряли в разодранной коже. Стряхнув с ладоней песок, стою минутку, воображая, будто передо мной не огромный пустой холл, а многочисленные ряды стульев, занятые родственниками участников концерта. Именно так бывает, когда проходит «Звездочка, зажгись!». В памяти встает картина с прошлогоднего концерта: всем классом мы поем со сцены – на меня тарачится целое море людей. В этом году мама с Додо тоже придут на концерт. Представляю, как Додо вскинет большой палец вверх, когда

я наконец найду взглядом их с мамой лица в толпе. А мама будет ласково смотреть на меня большими добрыми карими глазами. Вообразить-то, конечно, легко, но вот на сцену я не стесняюсь выйти только потому, что в холле безлюдно.

Вдыхаю всей грудью. Что я тут делаю? В глубине души понимаю, зачем все-таки поднялась на сцену, но упрямый внутренний голос твердит, что надо немедленно слезть и поторопиться в медпункт. Мой внутренний диалог не успевает затянуться – я машинально открываю рот и пою.

Сначала тихонько, робкие звуки смешиваются с хрипами, но шепотом петь трудно. Поэтому зажмуриваюсь и – всего на мгновение – позволяю голосу заполнить зал. Песня льется свободно и проникает в каждый уголок. Мы разучивали ее для концерта, но я пока не успела запомнить все слова, хотя мелодию знала довольно хорошо, и просто пела от души. Это оказалось приятно: словно рой пчел, постоянно жужжавших в моей голове, вдруг вырвался на свободу. Спина разогнулась, я потянулась макушкой вверх и расправила плечи, чтобы наполнить легкие воздухом и выпустить голос наружу.

Конечно, я вела себя очень странно, и если бы как следует подумала, то никогда в жизни ноги бы моей не было на сцене.

Эх, и зачем только я туда залезла...

Трудно сказать, что именно я заметила сначала – скрип открывающейся двери или резкий смех, отдававшийся эхом от стен и возвращавшийся ко мне, – но, когда открыла глаза, оказалось, что в зале я не одна.

Тио. Стоит перед сценой, согнувшись от смеха.

Я поперхнулась и замолчала. Хотелось провалиться сквозь землю. И ведь никуда не спрячешься! Тио притаился тут и слушал, как я пела, уверенная, что поблизости никого. От этой мысли у меня перехватило дух – так, что не сдвинуться с места.

– Да ты никак решила, будто умеешь петь? – произнес Тио, когда перестал смеяться.

– Я...

Захлестнувшая меня волна смущения обожгла кожу, словно настоящий огонь. Вот же дурочка! Зачем я вообще поперлась на сцену? Еще и посмела запеть... С каждой секундой боль в коленке пульсировала все сильнее, в сознании всплыли воспоминания о событиях вчерашнего дня.

Предыдущий день: понедельник 15:46

После обеда, прыгая по лестнице через ступеньку, я направлялась обратно в класс за забытой книгой. Лейла ждала меня на игровой площадке.

В коридорах было тихо: уроки закончились, школа опустела. Даже учителей уже не было видно. На натертом до блеска, хоть и стареньком полу валялись забытые вещи: шарф, вывернутый наизнанку свитер и скомканные листки афиши концерта «Звездочка, зажгись!», которую нам раздали только что.

Я влетела в класс, схватила книжку и уже собиралась выскочить обратно в коридор, как вдруг услышала голоса.

– Вот оно, – сказал первый.

– Это не оно, – возразил второй.

– Да оно, оно! – настаивал первый.

Первый голос принадлежал Тио, осенило меня.

Дело в том, что мы с ним не просто соседи. Хотя теперь и почти перестали разговаривать, Тио, похоже, был моим первым в жизни другом, лучшим другом. Мы вместе пошли в детский сад. Мама рассказывала, что тогда мы бегали друг за другом хвостом, а если со мной пытались играть другие дети, Тио беспокоился, плакал.

Но сейчас, услышав его голос в коридоре, я оцепенела и задержала дыхание.

Трудно сказать, когда именно это случилось, но почти наверняка Тио больше не хотел быть моим другом. Все началось с мелочей: по отдельности эти случаи вроде бы ничего не значили, но, сложив их вместе, можно было сделать вывод, что друзьями мы быть давно перестали.

Через несколько недель после начала семестра, в свой день рождения, Тио принес сладости. После уроков все торопились домой, и Тио бегал по классу, угощая каждого конфетами, пока наша учительница, мисс Рэндалл, раздавала разрешения на школьную экскурсию, которые родители должны были подписать. Мне конфет не досталось, и я уверена, что именинник пропустил меня намеренно.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.